

Е.Ф. Буринский

**Судебная экспертиза
документов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Е11

Е11 **Е.Ф. Буринский**
Судебная экспертиза документов / Е.Ф. Буринский – М.: Книга по Требованию,
2012. – 392 с.

ISBN 978-5-4241-3594-1

ISBN 978-5-4241-3594-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О Т Ъ А В Т О Р А .

Въ 1896 году, I-й Съѣздъ русскихъ дѣятелей по фотографическому дѣлу выразилъ желаніе, чтобы было составлено и издано руководство по судебной фотографіи, которымъ могли-бы пользоваться какъ лица производящія судебно-фотографическія работы, такъ и тѣ, кому приходится такими работами пользоваться (судьи, слѣдователи, прокуроры, повѣренные, защитники, тяжущіеся, обвиняемые и др.).

Исполняя желаніе Съѣзда, я счелъ полезнымъ не ограничиться лишь рамками судебной фотографіи, но составить руководство для судебной экспертизы документовъ вообще. Поэтому, я включилъ двѣ главы о почерковѣдѣніи и одну главу о сличеніи и распознаваніи почерковъ, съ цѣлью дать понятіе о томъ, что извѣстно до настоящаго времени о нормальномъ актѣ письма и о болѣзненныхъ его измѣненіяхъ.

Трудъ этотъ могъ-бы быть выполненъ успѣшнѣе судебно-фотографическою лабораторіею при прокурорѣ Спб. Судебной Палаты, но такъ какъ въ теченіи 10-ти лѣтъ

VI

лабораторія такой книги не издала и не заявила о своемъ намѣреніи издать ее когда либо въ будущемъ, то—лучше что нибудь, чѣмъ ничего.

Такъ какъ подобное изданіе можетъ рассчитывать на распространеніе лишь въ очень небольшомъ числѣ экземпляровъ, то пришлось назначить за книгу довольно высокую цѣну; иначе не окупилась-бы издержки по отпечатанію и изготовленію клише.

Евгеній Буринскій.

С.-Петербургъ,

1 Ноября 1902 года.

Посвящается

**Русскому Фотографическому Обществу въ
Москвѣ,**

*какъ дань уваженія и благодарности
составителя.*

ГЛАВА I.

Экспертиза документовъ въ гражданскомъ и уголовномъ судахъ.

Извѣстно, что роль экспертизы въ ряду судебныхъ доказательствъ до сего времени не установлена: нѣкоторые ученые признають экспертизу видомъ личного осмотра; другіе считаютъ ее ученымъ свидѣтельскимъ показаніемъ; третьи приписываютъ эксперту роль научнаго судьи; четвертые видятъ въ немъ только орудіе судьи или его помощника и пр. Въ нашей литературѣ вопросъ этотъ послужилъ поводомъ для полемики, между проф. Владиміровымъ (Ученіе объ уголовныхъ доказательствахъ. Личный судейскій осмотръ и заключеніе экспертовъ. 1886) и гг. Арсеньевымъ (Судебное слѣдствіе), г. Вислоцкимъ (О достоинствахъ судебно-медицинской экспертизы и уголовномъ судопроизводствѣ), г. Фуксомъ (Къ вопросу о значеніи экспертизы въ уголовномъ процессѣ. Юрид. Вѣстн. 1887 г., кн. 9) и др., не приведшей, однако, ни къ чему опредѣленному. При отсутствіи точнаго опредѣленія юридическаго понятія экспертизы, въ пользованіи ею неизбѣжно является произволъ и отсутствіе необходимаго однообразія. Причина несогласія по вопросу объ экспертизѣ заключается, между прочимъ, въ томъ, что не обращается вниманіе на существенное несходство различныхъ видовъ судебной экспертизы и всѣ виды подводятся подъ одно общее опредѣленіе. Нельзя сравнивать экспертизу медицинскую съ экспертизой документовъ, а эту послѣднюю съ экспертизой слесаря, призваннаго высказать о наличности или отсутствіи взлома! Медицинская экспертиза отвѣчаетъ на вопросы: „совершилось ли событіе преступленія?“ и „должно ли быть вѣнено въ вину подсудимому?“ и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ касается вопроса о вѣроятности совершенія преступленія обвиняемымъ. Экспертиза документовъ не касается вопроса о вѣроятности, но за то кромѣ вопроса о событіи, она занимается еще вопросомъ о совершеніи преступленія *даннымъ лицомъ*; экспертиза слесаря ограничивается установленіемъ факта взлома и дальше этого нейдетъ. Оши-

бочно-поэтому смѣшивать въ одно столь различныя по существу, задачѣ, средства и предметамъ виды судебной экспертизы.

Юридическая литература богата изслѣдованіями по всѣмъ, даже ничтожнымъ вопросамъ, и только о процессуальномъ значеніи экспертизы документовъ нѣтъ ни одной монографіи, ни одной журнальной статьи. Все, что вырабатывается для судебно-медицинской экспертизы, распространяютъ обыкновенно и на графическую, забывая, что послѣдняя отличается отъ первой и по цѣли, и по средствамъ, и по значенію въ процессѣ. Если эксперта-врача позволительно считать научнымъ судьей, то графическаго эксперта нельзя и представить себѣ въ этой роли на судѣ. Этотъ экспертъ является судьей лишь въ экспертизѣ *досудебной*; что же касается экспертизы на судѣ, то графическій экспертъ выступаетъ или „ученымъ свидѣтелемъ“ или „помощникомъ судьи“, смотря по тому, стоитъ ли онъ передъ судомъ гражданскимъ, или передъ судомъ уголовнымъ. Различіе между той и другой экспертизами, т. е. гражданской и уголовной, столь же велико, какъ и различіе между самими процессами, состязательнымъ и слѣдственнымъ. Графическій экспертъ, призванный уголовнымъ судьей, попадаетъ въ положеніе помощника судьи или слѣдователя: онъ обязанъ произвести техническій розыскъ, согласно ст. 333 уст. уг. суд. Уголовная экспертиза документа имѣетъ цѣлью обнаружить доказательства подлога, гдѣ бы они ни находились, *искать ихъ, всесторонне изслѣдовать документъ, не стѣсняясь границами заданныхъ судьей вопросовъ. Это и понятно: судья не техникъ, и потому не можетъ угадать, какимъ именно способомъ документъ поддѣлянъ. Дѣло опытности, знанія, сообразительности и находчивости эксперта раскрыть тайну подлога, разгадать заданную преступникомъ загадку. Уголовная экспертиза документа должна идти обзъ руку съ слѣдствіемъ, черпать изъ слѣдственного производства необходимыя свидѣнія и, въ свою очередь, давать таковыя же слѣдователю.* Экспертъ, имѣя надобность произвести какое нибудь дополнительное изслѣдованіе, напр. химическое испытаніе, или получить разъясненіе относительно обстоятельствъ выдачи, написанія или храненія документа, не встрѣтитъ препятствій къ полученію нужнаго разрѣшенія или справки; изслѣдуемый документъ также всегда къ его услугамъ. Никакими сроками экспертъ не стѣсненъ и можетъ производить свой розыскъ въ теченіе всего предварительнаго слѣдствія, пока найдетъ настоящій путь къ разгадкѣ. Уголовный экспертъ *ищетъ* доказательства подлога, является ближайшимъ и дѣятельнымъ помощникомъ судьи.

Ничего подобнаго не увидимъ въ судѣ гражданскомъ. Этотъ судъ самъ ничего ни ищетъ и не позволяетъ искать эксперту. Ему не по характеру и не по силамъ производить розыски, собирать доказатель-

ства и идти дальше самих тяжущихся въ желаніи добиться истины; законъ (ст. 367 у. г. с.) категорически предписываетъ ему основывать рѣшенія исключительно на доказательствахъ, представленныхъ тяжущимися. Взоры гражданского судьи устремляются лишь въ тѣ пункты, на которые указываютъ стороны и онъ закрываетъ глаза на все остальное, хотя бы, по его мнѣнію, истина находилась совсѣмъ не тамъ, гдѣ ищутъ ее тяжущіеся. Обстановка гражданского процесса такова, что *техническій розыскъ просто невозможенъ*. Для того, чтобы дотронуться кислотой до одной буквы документа, необходимо просить судъ о новомъ опредѣленіи (если химическая экспертиза не была указана въ первомъ); сзывать тяжущихся повѣстками; вынимать горьжественно, въ присутствіи всѣхъ заинтересованныхъ, спорный документъ изъ кассы суда и пр. Если, по ходу изслѣдованія, встрѣтится опять надобность въ какой нибудь новой пробѣ, въ изслѣдованіи вновь замѣченного подозрительнаго пятна—опять та же исторія, назначеніе засѣданія, новое опредѣленіе объ экспертизѣ, разсылка повѣстоекъ, поверстные сроки и т. д. Въ гражданскомъ судѣ не можетъ быть заявленъ *общій* споръ о подлогѣ документа, но непременно должно быть указано въ чемъ именно спорящій усматриваетъ доказательство подлога. Къ этому обязываетъ тяжущагося ст. 559 у. г. с., согласно которой доказательства подлога должны быть представлены въ семидневный срокъ. Ясно, что слово „доказательство“ здѣсь употреблено въ смыслѣ указанія признаковъ, по которымъ спорящій надѣется доказать подлогъ, а не въ смыслѣ тѣхъ доказательствъ, собраніе которыхъ едва подъ силу уголовному суду, вооруженному всѣми средствами для изслѣдованія преступленія! Нельзя же допустить мысль, что законодатель возлагаетъ на тяжущагося, частное лице, исполненіе въ семидневный срокъ того самаго труда, на который слѣдствіе тратитъ мѣсяцы и годы! Въ французскомъ кодексѣ гражд. суд. запрещеніе это выражено еще яснѣе:

Art. 233. Les moyens de faux, qui seront déclarés pertinents et admissibles, seront énoncés dans le dispositif du jugement qui permettra d'en faire la preuve; et il ne sera fait preuve d'aucun autre moyen.

Могутъ спросить, для чего же, въ такомъ случаѣ, гражданскій судъ производитъ экспертизу, если заранее извѣстно, что рѣшеніе вопроса о подложности документа имъ найдено не будетъ? *

Гражданскій судъ не задается и не можетъ задаваться цѣлью раскрыть преступленіе, но обязанъ, если откроется противузаконное дѣйствіе, передать дѣло прокурору. Съ другой стороны, обременять уголовный судъ изслѣдованіемъ споровъ, не имѣющихъ серьезныхъ основаній, тоже неудобно, а споры противъ подлинности документовъ чаще всего бываютъ неосновательны; случается также, что споръ о подлогѣ оказывается простымъ недоразумѣніемъ чисто гражданского свойства,

не требующимъ вѣдѣтельнаго уголовнаго суда. По этимъ соображеніямъ, гражданскій судъ направляетъ дѣло къ уголовному разслѣдованію не прежде, чѣмъ будетъ доказано, что *есть серьезный поводъ сомнѣваться въ доброкачественности документа*.

Если допустить, что гражданскій судъ разрѣшаетъ вопросъ о подлинности или подложности документа, то весь отдѣлъ судебныхъ уставовъ, устанавливающій порядокъ производства по спорамъ о подлогахъ, окажется совсѣмъ непонятнымъ! Въ самомъ дѣлѣ, разрѣшеніе истцу *взять обратно* документъ, объявляемый подложнымъ; обязанность спорящаго *доказать подлогъ* въ семидневный срокъ; право тяжущихся *избрать экспертовъ* по соглашенію, т. е. людей, должностующихъ обличить одного изъ нихъ въ преступленіи; отождествленіе несходства почерковъ съ подложностью документа и пр.—все это неразумно допустить тамъ, гдѣ дѣло идетъ о наличности или отсутствіи преступленія. Немыслимо также, что судъ, ищущій убѣдиться въ подлинности или подложности документа, ограниченъ въ выборѣ пріемовъ изслѣдованія. Возможно ли требованіе отъ тяжущагося указать лицо, виновное въ подлогѣ?

Всѣ эти кажущіяся несообразности представляются разумными, понятными и цѣлесообразными при условіи, что гражданскій судъ не пытается рѣшать вопросъ о подлинности или подложности документа, но ограничивается требованіемъ доказательствъ того, что *поводъ* для сомнѣнія и спора дѣйствительно имѣется. Не производя самъ никакихъ самостоятельныхъ розысковъ и изслѣдованій, гражданскій судъ строго запрещаетъ ихъ и эксперту. Дѣятельность эксперта ограничена рамками судебного опредѣленія, за которыя онъ выходитъ не смѣетъ ни въ какомъ случаѣ, подъ страхомъ неразмѣрѣннаго судомъ всего его заключенія.

Извѣстно, что выводъ экспертизы, произведенной въ судѣ гражданскомъ и самое исключеніе этимъ судомъ документа изъ числа доказательствъ ни къ чему не обязываютъ уголовный судъ, который производитъ новую экспертизу и можетъ признать документъ не подложнымъ; наоборотъ, признаніе документа подложнымъ въ судѣ уголовномъ обязательно для гражданского суда. Если задачи того и другого судовъ одинаковы, то странно было бы, что документъ, признаваемый подложнымъ во второмъ этажѣ зданія суда, объявляется подлиннымъ въ третьемъ этажѣ того же зданія, а предъявитель документа оказывается уголовнымъ преступникомъ по мнѣнію гражданского суда и гражданскимъ истцомъ по мнѣнію уголовного суда! Но въ томъ-то и дѣло, что задачи экспертизы различны, а съ тѣмъ вмѣстѣ, различны права и обязанности эксперта въ томъ и другомъ судѣ.

Статья 547 уст. гр. суд. указываетъ три способа повѣрки подлин-

ности письменныхъ актовъ: 1) сравненіе содержанія заподозрѣваемаго акта съ другими, несомнительными; 2) допросъ свидѣтелей и 3) сличеніе почерковъ.

Въ дѣйствительности первые два способа провѣрки имѣются въ распоряженіи суда чрезвычайно рѣдко. Большинство денежныхъ сдѣлокъ совершается теперь безъ свидѣтелей, съ глазу на глазъ и безъ всякаго отношенія къ какимъ нибудь другимъ письменнымъ актамъ, надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованнымъ. Въ основаніе судебного рѣшенія приходится, поневолѣ, класть результаты сличенія почерковъ, о которомъ сами составители судебныхъ уставовъ отзывались, какъ о доказательствѣ, „могущемъ весьма часто ввести судъ въ заблужденіе и пригоднымъ лишь какъ дополнительное, при существованіи другихъ, болѣе достовѣрныхъ“.

Судебная практика показываетъ, съ другой стороны, что поддѣлка чужихъ подписей посредствомъ простой перерисовки отъ руки уступила мѣсто другимъ, болѣе утонченнымъ способамъ (химическимъ, свѣтопечатнымъ и др.), а для обнаруженія такого рода подлоговъ сличеніе почерковъ не только не надежно, но и совсѣмъ неумѣстно, потому что нельзя же ожидать въ поддѣланной подписи какихъ-нибудь графическихъ отступленій отъ копируемаго образца, если поддѣльвателемъ являлся, напр., такой искусный копировальщикъ, какъ солнце.

Свѣтопечатный способъ поддѣлки подписей, какъ наиболѣе совершенный и удобный, въ такой степени распространенъ, что при обсужденіи бельгійскаго уголовного кодекса предполагалось даже упомянуть о немъ особо.

Было бы, по моему мнѣнію, правильнѣе совсѣмъ выключить изъ устава гр. судопр. статьи 547 — 565, относящіяся къ производству по спору о подлогѣ акта, тѣмъ болѣе, что цѣль, которую предполагалось достигнуть этими законоположеніями, а именно: *„не обременять уголовные суды изслѣдованіями подлоговъ въ актахъ старинныхъ, или же неизвѣстно кѣмъ составленныхъ, когда нѣтъ никакихъ данныхъ къ обнаруженію виновнаго въ подлогѣ“* — на практикѣ не достигается. Напротивъ, слѣдственная практика доказываетъ, что, благодаря именно неясности и неопредѣленности названныхъ статей, уголовному суду приходится вѣдаться съ дѣлами чисто гражданскаго характера, которыя всегда, въ концѣ концовъ, прекращаются за отсутствіемъ состава преступленій. Можно думать, что въ нашъ уставъ уголовного судопроизводства статьи эти попали по недоразумѣнію. Дѣло въ томъ, что въ судопроизводственныхъ кодексахъ другихъ государствъ, предварительное слѣдствіе является судебнымъ изслѣдованіемъ виновности *опредѣленнаго лица*, избличеннаго въ преступленіи предварительнымъ дознаніемъ. Такъ, по германскому уставу уголовного судопроизводства

производства (§ 176 герм. уст. угол. суд.) предварительное слѣдствіе возбуждается по предложенію прокурора, въ которомъ должно быть обозначено преступленіе и *лице*, въ немъ обвиняемое (§ 177 того же устава). Затѣмъ, предварительное слѣдствіе въ Германіи, какъ это прямо выражено въ § 189 германскаго устава уголовного судопроизводства, производится лишь *въ отношеніи лица и дѣянія, указанныхъ въ прокурорскомъ предложеніи*. Точно также по австрійскому уставу уголовного судопроизводства (§ 90), если прокуроръ на основаніи произведеннаго дознанія убѣдится въ возможности возбудить преслѣдованіе *противъ извѣстнаго лица*, то онъ предлагаетъ о производствѣ предварительнаго слѣдствія. Предварительное же слѣдствіе по этому уставу (§ 91) имѣетъ своею задачею подвергнуть провѣркѣ изведенное *на извѣстное лице* обвиненіе и выяснить обстоятельства дѣла, насколько это необходимо, чтобы установить всѣ признаки, которые могутъ повести или къ прекращенію судебного изслѣдованія, или къ преданію *того лица* суду и приготовленію необходимыхъ для судебного разсмотрѣнія доказательствъ. Пока не выяснены дознаніемъ признаки преступнаго дѣянія и пока не обнаружено лице, его совершившее, до тѣхъ поръ не можетъ быть возбуждено предварительное слѣдствіе. При такомъ требованіи, гражданскій судъ не имѣетъ возможности передать дѣло по спору о подлогѣ прокурору на основаніи лишь голословнаго заявленія отвѣтчика, но вынужденъ убѣдиться, что споръ не совсѣмъ безоснователенъ и есть поводъ предположить наличность преступнаго дѣянія. У насъ, какъ извѣстно (ст. 298 и 301 уст. уг. суд.) предварительное слѣдствіе можетъ быть начато по заявленію очевидца или по простому заявленію потерпѣвшаго, которое признается жалобой, т. е. достаточнымъ поводомъ для начатія слѣдствія, включающаго въ себя и дознаніе. Такимъ образомъ, нашъ уставъ гражданскаго судопроизводства вовсе не принуждаетъ гражданскій судъ производить изслѣдованіе о подложности акта и спорящаго можно бы было просто отсылать къ прокурору, а гражданское дѣло приостанавливать.

Французскій гражданскій кодексъ знаетъ два вида спора противъ подписей — *споръ о принадлежности подписи* и *споръ о подлогѣ*. Разрѣшеніе споровъ перваго рода производится по правиламъ, изложеннымъ въ статьѣ „Vérification des écritures“ (art. 195 et suiv.), а собственно „спорамъ о подлогахъ“ посвящена глава „Faux incident civil“. Vérification des écritures относится къ тѣмъ случаямъ, когда отвѣтчикъ, *не оспориая подлинности документа*, заявляетъ только, что документъ подписанъ не имъ, а однофамильцемъ и что, слѣдовательно, истецъ ошибся адресомъ. Art. 195, Code de proc. civ. изложенъ такъ:

„Si le défendeur denie la signature à lui attribuée ou déclare